

— Тоже четыре года. Он четыре года, и я четыре — интересное совпадение.

— Три недели вы присутствовали на репетициях "Галины". В чем вы смогли помочь постановщикам?

— Естественно, в каких-то деталях. Здесь жизнь России во многом непонятна. Поэтому я поправляла детали, советовала, что делать. С певицей я не так уж много конкретно работала, больше просто разговаривала. Объясняла ей какие-то вещи.

Гвинн Джейер — очень профессиональная и очень глубокая актриса. Она не только слушала и принимала то, что я ей говорила, главное, что она это все делала на сцене. Ведь это же совершенно редчайшее качество для актрисы.

При этом репетиционные сроки были безумно короткими для постановки абсолютно новой оперы. Никто не знал, что это такое и как все надо делать. Спектакль был поставлен за полтора месяца.

— Я обратил внимание на костюмы персонажей. Они поражают точностью соответствия эпохе. Платья для "Галины" были сделаны по вашим воспоминаниям?

— Я объясняла, какими они должны быть, то есть очень простыми, бытовыми, без всякой помпы.

— А шаль с алыми цветами в последней картине, когда певица, покидая Большой, оставляет ее на одиноком стуле? Она ваша?

— Нет, не моя, но идея моя. Шаль — это символ. Положить, оставить ее, как цветы.

— А как вы нашли такую прекрасную певицу для главной партии?

— Два года тому назад художественный руководитель Лионской Оперы Жан-Пьер Бросман предложил мне по-

прекрасно продумано и осуществлено.

"Галина" — это опера ни французская, ни русская. Это особый жанр — опера с кинематографическими эффектами. Сейчас нужно искать новые формы. Я уверен, что их найдут. Классика останется классикой, все гениальные оперы будут продолжать жить. Но на сегодняшний день так же сочинять и так же ставить — невозможно. У нас уже есть последние шедевры XX века, которые останутся навсегда, например, "Жизнь с Идиотом" и "Джезуальдо" Альфреда Шнитке, "Лолита" Родиона Щедрина. Это блестящие произведения. Как и опера "Галина", они сделаны по-новому.

"Галина" построена очень интересно, как хроника жизни. Она не имеет законченного драматургического сюжета. Это собрание эпизодов, которые проходят сквозь жизнь. Причем через жизнь Вишневской показана, в общем, жизнь страны. Вот это важно! И не потому, что там Вишневская или Солженицын. Важно, потому что люди будут знать и должны знать, что существовал строй (я надеюсь, я молю Бога, чтобы он никогда не вернулся), где абстрактная идеология была ведущей. Идеология марксизма-ленинизма подчинила себе людей, искусство и сделала из страны духовную тюрьму. Важно, что теперь это останется и в опере, в таком серьезном музыкальном жанре, и через оперу люди это узнают и поймут.

Я глубоко тронут этой постановкой. Я от души радуюсь за Галину и счастлив за нее.

**Интервью взял
ВИКТОР ИГНАТОВ**

Лион-Париж

Фото автора.